

18+

АНАТОЛИЙ ШИНКИН

ПОЛУЧИТЬ
СТАТУС БОГА

Анатолий Шинкин

Получить статус Бога

«Издательские решения»

Шинкин А.

Получить статус Бога / А. Шинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744461-7

Минерал фелексин — основа топлива аннигилирующих аппаратов, свободно перебрасывающих людей и технику в любое — над-, под-, за- и всякое другое пространство и время. Оставляет возможность вернуться, прихватив из мира мечты, зазеркалья и прочих фантазийных миров что-то материальное, вплоть до «волшебной палочки». Земные правители увидели в минерале «оружие всех времен и народов», пригодное для завоевания безусловного мирового господства.

ISBN 978-5-44-744461-7

© Шинкин А.

© Издательские решения

Содержание

от автора	6
Глава 1 Задача поставлена	7
Глава 2 Ищите женщину	9
Глава 3 «Троянский конь»	12
Глава 4 Экипаж	16
Глава 5 Старт	22
Глава 6 Первый экзамен	26
Глава 7 Санитары космоса	30
Глава 8 Битва с зулусами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Получить статус Бога

Анатолий Шинкин

© Анатолий Шинкин, 2024

ISBN 978-5-4474-4461-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

от автора

Читать мою фантастику – удовольствие. Знаю, о чем говорю, – читал, перечитывал и всегда открывал для себя новые грани и потаенные уголки. Тот удачный случай, когда читатель думает вместе с автором, и переживает перипетии гонки, смеется шуткам литературных героев и шутит в ответ.

Мимоходом

Минерал фелексин – основа топлива аннигилирующих аппаратов, свободно перебрасывающих людей и технику в любое – над-, под-, за- и всякое другое пространство и время.

Оставляет возможность вернуться, прихватив из мира мечты, зазеркалья и прочих фантазийных миров что-то материальное, вплоть до «волшебной палочки».

Земные правители увидели в минерале «оружие всех времен и народов», пригодное для завоевания безусловного мирового господства. За волшебным минералом фелексин к планете Меларус снарядили и отправили семь грузовых транспортов, – устроили гонку с девизом «Победитель получает все».

Однажды услышавший музыку в своей душе, уже не сможет отказаться слушать и играть ее вновь и вновь. Иногда мелодия будет звучать громче, порой почти затихать, порождая тревожную неудовлетворенность, грусть и даже зависть к тем, кто продолжает звучать. Среди внешнего цинизма всегда тлеет в мужской душе природная установка – мальчишеское желание поклоняться загадочной богине, и в женщине – девичья мечта – быть загадочной богиней.

Цитаты из романа точно отражают содержание: романтические приключения в космосе, напряженная гонка нескольких кораблей; любовные истории, без которых не могут обходиться молодые люди – космонавты-водители космических грузовозов.

Главный герой готов биться в гонке за победу и первым доставить на Землю выигранный груз, но, узнав о намерениях правителей использовать минерал в качестве средства завоевания мирового господства, решается уничтожить или спрятать все запасы фелексина.

В работе и сражениях командир транспорта Серега обрел цинизм, решительность, злость; но китайцы решили, что именно такой Бог им и нужен. Хитростью умертвили капитана. Тело высушили и перетерли на лечебные порошки, а душу поместили в тело Бога-Дракона с головой рыбо-зверо-ящера.

Непринужденное повествование, легкий слог, хороший литературный язык, не пошлый юмор, – делают чтение легким, интересным, занимательным.

Глава 1 Задача поставлена

Тягомотина – эти полеты в безбрежном космическом пространстве. Первые космонавты, бороздя космос, совершали подвиг. Нынешние – это водители космических грузовиков. Утром встал, умылся, пошел на работу, – везти груз в соседнюю галактику, – своеобразные дальнобойщики. Летят себе, «баранку» крутят, из динамиков ненавязчиво струится шансон, между сиденьями термос с крепким кофе.

Из воспоминаний космонавта-ветерана

– Максимально разгрузив свой корабль, первыми доберемся до Меларуса, с честью и славой вернемся к родным пенатам и торжественно поднимем бокалы с друзьями-соперниками в честь заслуженной победы, – часто облизывая губы тонким змеиным язычком, солидно убедительно посверкивал благородной джентльменской сединой топ-менеджер холдинга «Заря».

Совет Директоров за круглым столом генерального офиса заметно скис, поднапрягся, но, по-обычаю, не спешил вытаскивать языки из задницы, зная взбалмошный характер, точнее, нор, своего топ-менеджера. Сорокалетний, но спортивно гибкий Зверев, по совпадению, сын хозяина холдинга, умел и любил гнобить несогласных; а высокая зарплата и солидные должности стоили того, чтобы не возражать против фактической сдачи америкосам корабля и всей экспедиции.

За приоритет в изучении и добыче фелексина – топлива для аннигилирующих аппаратов, свободно перекидывающих космические корабли в под-, над- и какое угодно другое пространство, – сражались семь корпораций и додумались до джентльменского состязания – гонки на космотранспортах с девизом: «Победитель получает все!»

На пяти континентах лихорадочно готовились к старту конкуренты. «Под завязку» заправлялись топливом и оружием, формировали экипажи из отъявленных безбашенных головорезов, семь грузовозов: Австралийский «Попрыгун», Южно-Американская «Лама», Африканская «Мамба яна» (Рыжий бивень), Северо-Американский «Клондайк», Китайская «Панда», Европейский «Бера Бир» (Медвежье пиво и моя ласковая верная «Надежда», истекающая сейчас на стоянке Космопорта маревом испаряющегося охладителя.

Космолетчику холдинга, пусть и старшему, присутствовать в Совете директоров не по чину, и я устроился в коридоре-кулуаре, успешно изображая охранника, благо, массивная двухметровая фигура и черный форменный костюм создавали нужную картину. Непосредственный начальник, шеф службы полетов Штольц, доверяя моей компетенции, держал телефон включенным и мысленно материл себя на языке отцов за нарушение инструкции.

– А не воспользуются ли друзья-конкуренты, – робко проблеял лысоватый толстячок вице-топ-менеджер, – безоружностью нашего транспорта.

– Представить такого не могу, а, главное, не хочу, – безапелляционно отрезал Зверев. Представив не моргающие глаза топ-менеджера, я невольно передернул плечами. – Необоснованное предположение и сомнение в благородстве наших партнеров, оскорбительно. В своих друзьях по гольф-клубу уверен, как в любви моей Натали.

Хорошо, хотя бы по телефону, проникать в разум начальства... или продукт его распада. Зверев, – личность совершенно удивительная: альпинист, дайвингист, гольфист, парашютист и прочая, и прочая. В перерывах между заплывами, подъемами и спусками, посещал оперу, балет, различные музеи и светские тусовки – безупречный джентльмен.

Жил в свое удовольствие, по придуманным для себя законам; может быть, это и есть мудрость, символом которой является змея, на которую он очень похож. Зверев всегда приветствовал спор, если стороны придерживались одной (его) точки зрения.

– Мне по-должности, – приниженно пытался лепетать в оправдание вице-топ-менеджер. – Полагается предусматривать возможность диверсии, заговора.

– Если и был заговор, то только в несуразной голове, между правым и левым полушариями, – резко отреагировал Зверев. – На последней встрече в гольф-клубе «Атлантида», – Зверев сделал паузу и, должно быть, благоговейно закатил глаза, – мои друзья высказали твердое намерение сражаться честно, достойно, и беспрекословно отдать шпаги победителю, которым, как я не сомневаюсь, будем мы.

«Идиот! Есть в нем и угроза, и загадка, и разрушительного ума палата, но дурь и себялюбие, безусловно, преобладают,» – теперь проблему вооружения транспорта придется решать мне, как наиболее заинтересованному в продолжении своей жизни. Торопливо огляделся и облегченно выдохнул: «На ловца и зверь бежит».

Глава 2 Ищите женщину

Умная женщина никогда не «атакует в лоб», а только провоцирует мужичка на «боевые действия»

Наличие мужа часто мешают женскому счастью, да что там часто – всегда

Танцующей походкой, покачивая на десятисантиметровых каблуках чуть полноватые круглые бедра и тонкую талию подходила модельного роста белокурая блондинка в деловом – юбка и блузка, – но не строгом, – расстегнуты по две пуговицы, – костюме. Настроение, с утра приподнятое, задралось до неприличия.

Наталя Андреевна, Натали, супруга Зверева. Удивительно несхожая пара. Натали – это рассвет и молодость жизни, и Зверев... Может быть, смолodu и был прекрасным лебедем, но к сорока обратился в надутую удава. Наталя Андреевна возглавляла в «Заре» отдел снабжения и обеспечения. Осветившись самой радостной из улыбок, устремился навстречу, рассчитывая пересечься, аккурат, у дверей кабинета.

– Здравствуйте, Сережа, – большие глаза полу прикрылись подсиненными веками, давая рассмотреть густую ресничную опушку и распахнулись вновь, сверкнули лукавой искоркой. – У вас что-то срочное?

– Наталя Андреевна, – помня о камерах слежения, чопорно приостановился, вдыхая зовущий аромат нереально чувственных духов. – Сам терплю, а душа взгрустнула.

– Попробую угадать причину, – Натали склонила голову набок, изобразив взгляд немного нелепой блондинки. – Нет, вопрос серьезный, пройдем в кабинет. Душевные струны нужно подстраивать бережно.

– Сегодня не смогу смотреть в ваши замечательные синие глаза, – торопливо предупредил, не в силах оторвать взгляд от матовой кожи груди.

Девушка качнула волнистые пшеничные локоны волос, тоненько усмехнулась, гостеприимно распахнула дверь и первой прошла внутрь, а как только деликатно щелкнул фиксатор замка, повернулась, обхватила руками шею и плотно прижалась.

– А я в твои смешливые всегда с удовольствием смотрю, – Натали торопливо расстегивала и сбрасывала с меня одежду, попутно оголяясь сама, видимо, и я как-то участвовал в процессе. – Сережа, продолжай, говори; слова материальны: имеют вкус, цвет, запах, – ах, Серый-Серенький-Сережа, так и повторяла бы, ... как возбуждают слова.

Наклонился и, лаская ладонями ее груди, договорил:

– Оторвать взгляд от твоих двойняшек-дынек совершенно невозможно, и невозможно надышаться запахом твоих волос.

– А я-то думала, ты в глубины моей души всматриваешься. Держи крепче, – Натали, толкнув ладонями, повалила спиной на диван, вскочила верхом и закачалась-замурлыкала, ускоряясь и прогибаясь в сладкой истоме. – Не молчи...

– Вчера ежика видел. Бежит вдоль забора, по сторонам – ноль внимания. Я ему: «Эй, ежик, привет!» Ухом не повел, чертяка, – прерывисто выдыхая слова, поведал всплывшую среди наслаждения историю.

Натали замерла на пике; сдерживая крик, закусила губы. Протяжно выдохнула и рухнула в полной расслабленности.

– Хорошо-то как! – повозилась, устраиваясь поудобнее и зажала рот ладошкой, сдерживая смех, – Какой ежик, откуда?

– Нормальный ежик, по траве бежал. Обеспечил настроением на три дня вперед и тебя порадовал. Пушистый весь.

– Хороший ежик, человечный и милый, – Натали посерьезнела. – Мой придурок, кажется, заревновал. Велел ободрать все вооружение с твоей посуды. – Натали дотянулась до стола и подала листок-приказ, по которому грозный каперствующий транспорт «Надежда» превращался в безопасную железную бочку с двигателем.

– Раньше такие страсти решались проще: задушил эту, как ее? – грустно поклоуничал я в ответ на убийственный приказ. – У Шекспира, кажись. Да-да, припоминаю, сам Шекспир и душил. И, как мужик, его понимаю. Твои действия? – приподнявшись на локте и поигрывая в ладони грудью Натали, спросил нарочито лениво.

– Будут зависеть от твоих, – весело подхватила Натали. – Не имеешь ты морального права меня в бездействии упрекнуть.

Девушка вскочила с дивана, накинула блузку и, не застегивая, потянулась к юбке. Мы оба знали сценарий, и Натали, измождено падая лицом вниз на диван, не смогла на этот раз сдержать утробного густого крика. Я присел на пол и заглянул в теплые синие глаза, полюбовавшись гаснущим возбуждением, чуть тронул губами пушистые ресницы.

– А в детстве, ты была маленькой феей или гадким утенком?

– Ни тем ни другим, – Натали осветилась улыбкой, достав ее откуда-то из глубины души. – Я была маленьким ежиком, пугливым и колючим, пряталась по углам и выставляла иголки. Тебя это действительно интересует?

– Давно хотел спросить, сам из застенчивых.

– Вот и нашелся объединяющий души штришок. Для того и пришел?

– Соврать?

– Не надо, – Натали вновь дотянулась до стола. – Нетерпение твое очевидно, мой рыцарь.

– Опять печаль и грусть, – я попытался шутить. – Зачем люди себя мучают, жили бы без любви.

– Не получается, а к космосу ревновать глупо. Расстанемся без истерик и навсегда, запомнив место и время, где были счастливы. – Натали грустно улыбнулась и протянула листок-приказ, по которому на транспорт «Надежда» кроме штатного вооружения, полагалось мно-

жество дополнительного, плюс второй комплект боезапаса в трюм, в качестве груза. В примечании предписывалось демонтировать УДУ (Устройство дистанционного уничтожения). – Чтобы не смогли достать мою симпатию длинные руки озверевшего мужа.

Мир взаимоотношений мужчин и женщин мало того что необъятен, от похотливого инь и янь до чистых эмперий, он еще и не статичен: изменяется во времени и пространстве. Попробуйте найти и соединить две нужные половинки среди миллиардов вариантов... И среди внешнего цинизма всегда тлеет в мужской душе природная установка – мальчишеское желание поклоняться загадочной богине, и в женщине девичья мечта – быть загадочной богиней. И теплый грустный лучик в зеленых глазах Натали – наша общая тайна, о которой мы не могли говорить даже наедине.

– Ощущение, будто мы расстаемся чаще, чем встречаемся.

– Так не бывает

– Знаю, только ощущение. Спасибо за УДУ, я тебе тоже когда-нибудь, что-то хорошее сделаю, – поблагодарил искренне, хотя УДУ давно выкинул с корабля без всякого на то позволения.

Глава 3 «Троянский конь»

Когда человечество все живое уничтожит,
останутся на Земле тараканы, крысы, караси
и китайцы. Живучие заразы и плодовые до ужаса.

Ненаучный прогноз

Вышел в истоме от сладкого приключения и легких укоров совести, – использовал женщину. Отговорки, мол, все так делают, и победителей не судят, – слабое утешение. очередной «черный шар» в корзину моральных принципов. Или «белый шар»? Живем с Натали в не соединяемых социальных мирах, но наша долгая чувственная связь похожа на любовь. Постоянно и настойчиво прокладываем маршруты, будто роём тоннели в космосе навстречу друг другу, и согласуем время встреч в разных точках вселенной.

Натали и ее супруг связаны не любовью, а деловыми отношениями: он представитель клана космических перевозчиков, она – «королева бензоколонок» и всего стреляющего и взрывающегося. Бедолаги несли свой династический неразрываемый брак, как тяжкий крест; избегая встреч, жили в разных домах, городах, странах и на разных планетах. Однако пару лет назад родили наследника, который увидел свет на борту нашей «Надежды», – Натали продуктивно отдохнула на курортной планете «Эдем». Теперь Зверев пытался одним выстрелом решить две проблемы: сдать америкосам победу и сжить со света любовника жены.

Завтра начало гонки, а сотрудники, зарядившись оптимизмом неадекватного топ-менеджера, мысленно произнесли пофигистское заклинание: «Шефу не надо, а мне и подавно», – и устроились на устройство личных делишек и развлечений. Охрана, подготовка и старт корабля легли на плечи двух человек – мои и Штольца.

Я «экс оффицио» – по должности, а Штольца, пунктуальнейшего из немцев, гнали к служебным обязанностям врожденная аккуратность и педантичность. Всякое дело бедолага начинал с изучения инструкции, и, если последняя включала даже сто шестьдесят пять пунктов, скрупулезно и точно исполнял все сто шестьдесят пять, что смешило, но и восхищало, гарантируя устойчивую опору под ногами и надежную стену за спиной.

Мне случалось видеть Штольца в бою. Крейсер-американец, – с невинной мордой, мол, принял за пирата, – лупил по нам в упор; пробил защиту и распорол ракетой корпус машин-

ного зала. Рвались экраны наблюдения по всей рубке, ядовитый дым слоями волновался между креслами, но Штольц ни на секунду не оторвался от оружейных мониторов. Методично вколо-тил в рубку монстра три ракеты подряд и отправил заокеанского «друга-почти брата» в вечное беспосадочное плавание.

Потом случилось удивительное; когда мы кое-как залатали дыры и потушили пожары, у Штольца началась истерика. Тряслись пальцы и губы, текли слезы. Тогда-то я и оценил силу характера этого парня. Бесстрашные люди мне встречались, но не дай бог оказаться с ними в одном окопе: и себя в безрассудной смелости погубят, и товарищей подставят, – не о них речь; да и, демонстрировать бесстрашие, когда ничего не грозит, – это клиника.

Сильны, умеющие преодолеть или отодвинуть свой страх и действовать в сражении спокойно и расчетливо. Страх у сильных людей до или после; если канатоходец начал бояться посреди каната, он упадет. Запаниковал, закрыл руками глаза и отдался на милость судьбы или спокойно дошел, как бы пропуская страх мимо себя, потом будет трясти, колотить, испарину вытирать устанешь, но опасность уже позади.

Постучав по микрофону условным кодом, зашел в диспетчерскую. Сашка Штольц, худой и высокий, как ножка циркуля, колдовал над голограммой космодрома, проверяя защиту периметра и купола:

– Никаких следов покушения, – пояснил не отрываясь, – и это настораживает.

– Полагаешь, уже прошли через ворота?

– Подкупив или подменив кого-то из наших... даже двоих. Начинается погрузка. Самое время запихнуть в корабль какого-нибудь «Троянского коня».

В оценке нравственных качеств и моральных устоев «друзей-соперников» у нас полное единодушие, – благородства не будет. Постараются уничтожить «Надежду» до старта, во время старта, на взлете и далее по пунктам на всем пути следования. Моя репутация «зачетного» пилота, пережившего более трех среднестатистических сроков жизни космолетчика – два года, – не оставляла шансов на спокойный размеренный полет в межзвездной темноте.

– Серега, давай к кораблю, – скомандовал Штольц, – а я на склад.

Лучи прожекторов по периметру космодрома, отражаясь от поверхности пластикового купола, заливают бетон розовым бестеневым светом. Транспорт «Надежда» сверкающим пятидесяти метровым столбом возвышается впереди. Выбрав в пирамиде скейт поновее, заскользил к кораблю. Легко тронув пальцами, проверил оружие. Я «правша», но пистолет держу в левом рукаве, как последний неприятный сюрприз в жизни противника.

Пластик купола покрыт особым составом: изнутри, обычное прозрачное стекло; снаружи, – темная глухая поверхность, дополнительно защищенная множеством разнотипных маскирующих, обороняющих устройств, задекорированных маскировочной сеткой. Бомбить бесполезно да и небезопасно: может быть воспринято правительством как вторжение и покушение на суверенитет, а это «священная корова» для политиков. Диверсантов нужно ждать изнутри.

На запястье датчик «свой-чужой», замаскированный под наручные часы, и стрелка остается неподвижной, пока я неторопливо прохожу погрузочной площадкой, но слегка «кивает» около начальника боепитания Сухарько, краснолицего крепыша в бейсболке и сигнальном оранжевом жилете. Я поднялся по трапу и остановился у входного люка.

– Штольц, – постучал пальцем по микрофону. – Будешь смеяться, но идентификатор показал неполное совпадение – девяносто девять и пять процента.

– Кто? – голос Штольца зашепелявил от возбуждения. – Следи, но не спугни.

– Сухарько, начальник боепитания.

– Рядом стоит.

– Поздравляю, теперь у нас два начбоя Сухарько

– Уже идем

Начинается игра, тягостная и осторожная, и не факт, что фортуна выберет нас. Противник подобрался к кораблю, но заряд пока не внутри, а на площадке в одном из загружаемых ящиков или ракете. Нужно найти адскую машинку и не дать ее активировать. Взрыв на площадке не причинит ущерба кораблю, а вот у obsługi шансов не останется вовсе.

Вопрос мотивированности диверсанта. Если европеец или американец, – не страшно, – ребята так дорожат своей шкурой, что ни за какие деньги не причинят ей вреда, а вот нам азиатам от жизни мало перепадает, потому и страшны в бою. Фанатика, типа, шахида или камикадзе, жизнь радовала еще меньше, а потому взорвет бомбу при малейшем признаке провала, просто, чтоб «добро не пропадало».

Никогда не знаешь, за что зацепится память. Фраза Штольца «даже двоих» всплыла неожиданно, но очень уместно, когда заметил грузчика, нарочито поворачивающегося к «первому номеру» спиной и бросающего из-под бровей настороженные взгляды.

Командир корабля может позволить себе выглядеть расслабленным и неторопливым среди предполетной суеты, и, опершись на перила трапа, лениво наблюдая за погрузкой, не выпускал из вида лже-Сухарько, грамотно и рационально дирижирующего такелажниками и погрузчиками. Как бы хорошо парень ни был обучен, обязательно бросит лишний взгляд на своего «Троянского коня», – это в инстинктах, и я уверенно ждал этот единственный взгляд.

Лже-Сухарько не смотрел в сторону корабля, но мое присутствие на трапе его не могло не нервировать. Напряженное энергетическое поле уже связало нас, противостояние достигло пика, и нервы «засланца» не выдержали. Я, прикуривая, наклонился к зажигалке, и лже-Сухарько тотчас суетливо направил один из погрузчиков вне очереди к двухкубовому пластиковому контейнеру.

– Штолец, отвлеки его, а настоящий Сухарько пусть отправит погрузчик в отстойник.

Нескладная долговязая фигура Штольца, появилась перед диверсантом, как по волшебству, и лже-Сухарько волей-неволей должен был повернуться за указующим перстом шефа полетов, потеряв из виду контейнер. Начальник боепитания Сухарько, вскочив на подножку погрузчика, погнал машину со смертельным грузом в сторону отстойника.

Теперь все зависит от быстроты. Давно обратил внимание на левую руку «засланца», безотрывно сжимающую борт сигнального жилета, и к бабушке не ходи, взрыватель срывает «на разрыв», которого я и не должен допустить. Легко перемахнув перила трапа, приземлился по-кошачьи мягко, плавно «на цыпочках» скользнул за спину диверсанта, аккуратно из-за спины зафиксировал в правой ладони напряженно вздрагивающие пальцы и резко отмахнул левой в горло начинающего поворачиваться лже-Сухарько.

Метнулась серая размазанная тень перед глазами, две руки схватили правую ладонь, пытаясь разжать пальцы, и я без колебаний выстрелил в висок, оказавшийся напротив ствола. Штолец подхватил Лже-Сухарько с другой стороны, и мы аккуратно положили «бутерброд» из двух «засланцев» на бетон.

Штолец резким движением задрал рукав куртки нижнего, и со смуглого предплечья террориста ощерился, злобно выпучивая глаза, многозубый дракон.

– Китаеза, – аккуратно Штолец оглянулся и сплюнул, стараясь попасть в щель между бетонными плитами. – Члены мафиозной группировки. В гости не звали, а нарушающих назойливым жужжанием покой, мгновенно уничтожаем, ... навсегда.

– Хотелось бы верить в действенность такого метода, – я не в шутку загрустил, – но неудачи будто подстегают сыновей поднебесной и следом из всех щелей лезут другие «члены».

– Удивительно пронирующие ребята, – отметил Штолец.

– И неприхотливы заразы, – поддержал я, – способны размножаться даже при отсутствии условий к размножению, например, в отсутствие женщин.

– На неудачах не закливаются, но сегодня праздник не у желтолицых братьев, – Штольц пнул попытавшегося дернуться лже-Сухарько. – Жизнь поимела обоих. Хихикнула пакостливо из-за угла.

Мы передали диверсанта и труп его подельника саперам. Начальник боепитания Сухарько доложил об эвакуации опасного контейнера за пределы космодрома и принял руководство погрузкой. Предстояло снять, проверить и вновь поставить все вооружение.

– Лишних два часа работы, – Штольц зябко поежился, став похожим на взлетающего журавля, и наклонился ко мне. – Этого трояна считай убрали... – выпрямился и продолжил как ни в чем не бывало, – приличный бы хозяин кофе предложил.

Глава 4 Экипаж

Не могу всегда думать о вечном и высоком.

А иногда думаю и о таком, что сказать стыдно

Стыдливо о личном

Своевременно напомнил о кофе Штольц. На удивление организованный парень: все у него «по полочкам», к месту и ко времени. Предполетная суeta и беготня за недоделанным вчера и недопогруженным сегодня выбивает из режима питания и отдыха, и живот уже начал зловредно побуркивать. Кивком пригласил Штольца к трапу и картой доступа открыл наружный люк шлюзовой камеры.

– По графику твои должны заниматься изучением материальной части, – мимоходом просветил Штольц. – Заодно и проверим.

«Твои» – мой экипаж. Штурман-стрелок Гришка, чаще именуемый Отрепьевым, за разлохмаченный, взъерошенный вид и красноватые, воспаленные от постоянного слежения за мониторами глаза. Бортмеханик – верзила с огненно-рыжей шевелюрой и острым носом – Сашка Буратино. Пилот-стажер, пока без «погоняла», Колька, племянник Штольца. И кто из них «Троян»?

Школа космолетчиков с отличием – лучшая из известных мне характеристик. Сквозь трехгодичную программу физической подготовки и интеллектуальной муштры пробивается к финишу треть начавших курс. «Купить» зачет, воспользоваться «лохматой лапой» невозможно. Преподы – космолетки из выживших – дают «путевку в космос» только умеющим в совершенстве нападать, защищаться и, главное, обучаться.

«Изучение материальной части межзвездного транспортного корабля «Надежда» к нашему приходу достигло кульминации. Гришка Отрепьев азартно тюкал пальчиком по «клаве», вываживая трехкилограммового леща в компьютерной игре «Рыбалка мечты». Сашка Буратино в лирико-драматических интонациях повествовал Кольке историю своего пленения отрядом коварных амазонок на планете Вуди-Руди.

– Говорят, – глаза стажера горели жаждой приключений, – говорят, эти амазонки в бою страшны.

– И после боя не краше, – пренебрежительно отмахнул Сашка. – Носы широкие, в губе кольцо, волосы, как пакля.

– Следующее поколение амазонок будет выглядеть не в пример лучше, – засмеялся Штольц, знавший в общих чертах историю нашего нескучного полета. – Сплошь, остроносые рыжики.

– Не каждый может похвастаться улучшением демографических показателей целой планеты, – «подковырнул» от компа Отрепьев

– Только одного племени, – поскромничал в ответ простодушный Сашка.

Сашка – старожил экипажа, летал на «Надежде» еще в бытность мою вторым пилотом. Знает «назубок» всю механику корабля и не оставляет «на потом» ни малейшей неисправности. Его «кодекс чести» – безусловное следование «пацанским понятиям», усвоенным в детстве, прошедшем на улочках городских окраин: не предавать и не подставлять друзей, отвечать за слова и поступки.

– Попали амазонки, – смеясь, Штольц сутулился и снимал очки: не парень, а ходячая «особая примета».

– Молодой, – я кивнул Кольке-стажеру. – Обеспечь дядю горячительным напитком, а ты, Сашок, делись, коли начал. Тема – живо трепещущая. Тогда, помнится, ты отделался уклончивыми фразами о вреде обжорства и недопустимости случайных связей.

– Ничего случайного, – Сашка присел в кресло второго пилота, огляделся, настраиваясь на долгий рассказ и сказал. – Сейчас поослабло, а вначале переносилось тяжело и томило сердце неясной тревогой.

Я закусил зубами рукав комбеза, сдерживая смех; Штольц сутулился, крутил за дужку очки и кусал губы; Гришка Отрепьев отгородился экраном; Колька-стажер, подавшись вперед, нетерпеливо ожидал продолжения красиво литературно окрашенному вступлению.

– Мы вышли из очередного боя с победой, истраченной защитой, истерзанным корпусом и почти без топлива, а на экране обзора передней полусферы незнакомые звезды вспыхивали и гасли, сгущая и без того вязкую пугающую черноту незнакомое космоса, – борт механик знобко передернул плечами. – И тогда командир принял решение садиться на ближайшую пригодную планету.

Сашка взглянул на меня, ожидая подтверждения, и я, напрягая скулы, чтобы не захохотать во весь голос, коротко пояснил.

– До Земли больше двух недель, а топлива на одну посадку. Пять-десять минут маневрирования на маршруте, и потом уже не сесть. Гришка прочитал в лонии, мол, планета Вуди-Руди необитаема.

Отрепьеву на планете досталась роль дежурного по кораблю и «ответственного за все», и сейчас в его взгляде из-за монитора читалась легкая зависть.

– Поврежденные дюзы и разгерметизация компрессорного отсека не мешали командиру произвести штатную посадку, – продолжил рассказ Сашка, – в этом сказочном, не побоюсь этих слов, райском уголке, на чистом зеленом лужке между темным хвойным бором и серебристой рекой в изумрудных берегах.

– Так не бывает. Сказки, – неожиданно и неуместно возразил Колька, оборачиваясь за поддержкой к дяде.

– Все именно так и был, – сбился на акцент Штольц, замороженный Сашкиным рассказом, и погрозил племяннику пальцем. – Верю каждому слову.

– А я не верил, пока не увидел и не опьянел от волшебной красоты, – простодушно пояснил борт-механик и, осветившись блаженной улыбкой, продолжил. – Напряженно работая в течение дня – двадцать часов, пока два солнца одно за другим проходили по бирюзовому небосводу, – заменили и восстановили защиту; наладили производство топлива из воды и атмосферного водорода, перезарядили ракетные шахты и пусковые установки, залатали дыры

в корпусе, поставили палатку на берегу для предстоящей ночевки, но, несмотря на занятость, что-то влекло пойти по траве, зачерпнуть ладонями воду из речки, подставить лицо солнцу и нежно ласкающему кожу ветерку.

– Пожалуй, вам следует облетать Вуди-Руди за три галактики, – прокомментировал Штольц, – потеряете отличного механика, который, тьфу-тьфу, рискует превратиться в очередного поэта.

– Типун тебе на язык, – вмешался Гришка Отрепьев и повернул в нашу сторону экран. – Девушки приглашают отца на крестины дюжины младенцев обоего пола. Дал Саша душе развернуться.

Картинка на экране полностью соответствовала рассказу борт-механика: серебристая река, изумрудный лужок и гостеприимная тропинка в сторону леса. У Кольки-стажера челюсть отвисла в изумлении, паренек шумно втянул воздух и уставил восхищенный взгляд на Сашку.

– Как честный человек, обязан жениться, – строго выговорил Штольц.

– Обеспечить многочисленное семейство материально и вырастить достойных членов общества, – веселился Гришка Отрепьев.

Гришка из семьи потомственных интеллектуалов. Получил от предков быстрые, гибкие, аналитические мозги и проявляющийся временами атавизм, в виде непрошибаемой бескомпромиссной, доходящей до истерики, интеллигентской упертости, за которую его родители и были причислены властью к бременящему Землю балласту и высланы за пределы солнечной системы, когда мальчишке было тринадцать лет от роду. В экипаже у Гришки роль циничного хохмача-острослова – защитная маска, прикрывающая ранимую чуткую душу. В беде не оставит и слабого защитит. Благородный герой.

– Не сходится, – Сашка Буратино безотрывно смотрел на картинку и наливался краской смущения и крайнего волнения. – Я здесь ни при чем.

– Все мужики потом начинают отказываться и подыскивать алиби, – куражился Гришка, – но мы готовы поверить в твою невиновность и невинность, если ты так же связано, как начал, объяснишь свое отсутствие на корабле в течение двенадцати часов.

– Я пошел по этой тропинке, – Сашка, гася волнение, отхлебнул кофе. – Легкие тени в прозрачном сосновом лесу и мелодичные крики и посвист удивительно ярких птиц в верхушках деревьев...

– Крики птиц, как свежий ветер в лицо, будят и настраивают на движение, но, давай без лирики, – снова вмешался Гришка, – а то до утра не закончишь. Конкретно: где, когда, с кем, сколько раз.

– Сами виноваты, – обиделся Сашка. – Конкретно, окружили, привели, искупали в фонтане, усадили за стол с разными вкусностями и ушли. Ближе всех стояло блюдо с уткой в золотистой блестящей от жира корочке, перышко кудрявой петрушки заманчиво свисало из клюва, и я, тщетно уговаривая себя не спешить и не жадничать, ведь на столе стояло много всякой еды, торопливо отломил толстую ногу и впился в нее зубами. Как вкусно! – Сашка невольно сглотнул слюну, и мы повторили его движение. – Тут входит стройняшка в набедренной повязке, начинает приплясывать и сладострастно извиваться, а я не против, только, показываю ей утиную ногу, доем, и весь твой.

– Амазонки в мыслях и поступках быстры, резко меняют настроение от любви до ненависти, – вмешался Колька-стажер где-то вычитанной цитатой.

– Молчи, – одернул племянника Штольц.

– Стройняшка уперлась кулаками в стол, толкнула пламенную речугу о вреде неумеренного увлечения жирной пищей, типа, от всей утки я должен был отъесть только петрушку, сверкнула глазами и хлопнула дверью, аж стены затряслись.

– И ничего не было? – изумился Колька.

– Не успел, – просто ответил Сашка. – следом пришла высокобедрая, высокобровая молодуха с высокой грудью.

– И сама высокая, – «прикололся» Гришка.

– ... и рассказала, пока я, облизываясь и причмокивая, смаковал ломтики красной рыбы, о здоровом образе жизни среди девственных лесов и чистых рек планеты Вуди-Руди. Третья вещала о политике и праве планет на самоопределение, – не плохо с выдержанным сыром и красным вином.

– Слюнки потекли, – шумно выдохнув, перебил Гришка. – Полный стол изысканной жратвы, разговоры о политике, других удовольствий мужику уже не надо. Они всерьез ждали секса?

– Интересно поставлен вопрос, – вклинился Штольц. – Только на него и сами девушки наверняка ответа не знают, а если прямо спросить, помашут ресницами и покрутят пальцем у виска. Может быть, они мечтали о нескучном вечере с красивым молодым человеком. Продолжай, Саша, нам очень интересно.

– Следующая полногрудая, – «красивый молодой человек» Сашка переждал смешки и вновь осветился блаженной улыбкой, – встала в позу, подняла руку вверх и, как на митинге, почти убедила вступить в партию свободных женщин; спасибо «Оливье» – вернул в реал. Еще я прослушал, в компании с копченым угрем, курс самосовершенствования методом медитации; средних размеров кусочек сочного шашлыка скрасил заунывные вирши тощей поэтессы; а пирог с малиной помог не впасть в депрессию, когда томная большеглазая девица призвала к страданиям во имя любви и предложила вместе броситься со скалы в реку. Сейчас! Все брошу и побегу от стола, с уточкой в золотистой корочке, бросаться в реку с белой мышью на пару.

– Как? Как ты ее назвал? – переспросил Штольц.

– Мышь белая – это вроде «белой вороны» – то каркает не в лад, то пищит не в такт, – пояснил механик, помолчал немного и вновь мечтательно загрузил. – И тут вошла она... – Сашка засопел и засмутился.

– Не томи, – Штольц едва не подпрыгивал от возбуждения. – Я уже представляю картину семейного благополучия: тихий уютный домик на берегу, детишек сопливых, Машенька с ухватом у печи.

– Или Гретхен в белом передничке... Мечты бывают слишком причудливы, – внес я свою лепту. – Иногда лучше не воплощать.

– Она смотрела спокойно, достойно и немного насмешливо, о фигуре молчу, наверное, совершенной и гармоничной, – Сашка вздохнул. – Я уже говорил, что обед длился почти всю ночь?... – Сашка вздохнул еще раз. – И мне нестерпимо захотелось в туалет.

Экипаж изумленно молчал, потом коротко хохотнул Гришка, а следом захохотали остальные.

– Не удалось создать условия, чтобы почувствовало себя счастье уютно в твоих руках, – грустно прокомментировал Штольц, вспомнив, видимо, что-то из своей биографии. – А два раза на одну наживку оно не клюет.

– Счастье свалилось на голову, но я успел отбежать, – грустно подтвердил механик. – Мимолетное счастье, как игривый шлепок теплой ладони.

– Вот так и получают мужики вместо тупого безбашенного секса красивую светлую грусть, – ехидно подковырнул Отрепьев.

– Сколько людей радуются, что однажды свое счастье не догнали, – с трудом сдерживая смех, я попытался сбить механика с печальной струи. – Вяжет оно молодца порой по рукам и ногам, и уже ни в космос за мечтой, ни с друзьями на рыбалку.

– Механик не при делах, а мальчишки-девочки откуда? – желая поддержать веселье, развязно улыбнулся Гришка, и экипаж сразу обернулся к штурману-стрелку, разом ощутив в вопросе фальшивую нотку.

– Гриша, – случай нарушения должностных обязанностей без внимания оставить я не мог. – Ты сторожил транспорт не в одиночестве?

– Увы, – Гришка понурился, – но в корабль я их не пустил. Кувыркались всю ночь в палатке на берегу.

– «Их» – это сколько? – заинтересованно переспросил Штольц.

– Четыре бесстыдно прикинутые девицы, появились в сумерках как сладострастные нимфы, – Гришка хитро улыбнулся. – Я всегда помню на чужих планетах, что за мной Земля и надо отстаивать честь, и, если потребуется, по-мужски умереть, сгореть от страсти в руках красавицы.

– Не умер, и, судя по всему, справился достойно, – Штольц, смеясь, повернулся ко мне. – Осталось восемь. Похоже, окончание рассказа мы услышим от командира.

– У нас не принято бросать товарищей в беде, – обычно я не распространяюсь о любовных историях, но сегодня особый случай: нештатные ситуации в космосе должны исследоваться досконально для извлечения опыта и предупреждения ошибок в дальнейшем. Расследование вел методичный Штольц, и отвернуться от рассказа не представлялось возможным. – У нас не принято бросать товарищей в беде, и, едва заметив исчезновение Сашки, я предупредил Отрепьева и отправился на поиски.

– По тропинке, уходящей в сторону леса? – уточнил Штольц.

– Не лыком шиты: прекрасное видим, и к тонкому и чистому прикасаясь, сначала руки с мылом моем, – я указательным пальцем вернул нижнюю челюсть Кольки-стажера в положение «закрыто». – Двинулся по тропинке, и скоро вышел к легкому одноэтажному деревянному строению с множеством окон. Оглядевшись, прошел внутрь, и меня мгновенно обхватила руками и ногами крайне возбужденная стройняшка. Как уже упомянул наш штурман стрелок: «за нами Земля» – да и девушка горела нетерпением. Не скучно рассказываю?

– У Сашки получалось красивее, – Штольц протянул племяннику пустую чашку и жестом попросил еще кофе. – Склоняюсь к мысли, что в космос надо бы посылать мужичков с минимальными сексуальными потребностями. – Штольц покрутил очки за дужку. – Нечего в серьезном деле отвлекаться на низменные инстинкты.

– Кастратов что ли? – угрожающе привстал Сашка Буратино.

– Молодца! – вскинулся кипящий негодованием Отрепьев. – Я, конечно, не Фрейд, но, уверен, люди осклопленные, стерилизованные, отлученные от сексуальных желаний, теряют и стремление к подвигу, к умению переступить запреты, совершать безбашенные поступки. Все просчитать невозможно, а если человечек работает, как автомат в рамках инструкции, он и не рискнет, и не примет нестандартного решения. И зачем он тогда в космосе, достаточно послать робота.

– Хорошо, хорошо, – Штольц примирительно салютнул чашкой с кофе. – Вопрос пока не вышел за рамки дискуссии, хотя формула, «в воздержании есть смысл» – прозвучала с самого верха. Дослушаем рассказ командира о налаживании дружественных контактов на планете Вуди-Руди.

– Я заглянул в одну комнатку, в другую, и в третьей встретил милую тридцатилетнюю особу, с мощными бедрами и красивой волной черных волос, слегка прикрывающих плечи и грудь. Представилась Афрой, порадовалась нашему присутствию на Вуди-Руди, выразила надежду на долгое гостевание. Пока готовился обед, предложила искупаться в фонтане, куда и плюхнулась следом высокобедрая, высокобровая молодуха с высокой грудью.

– Нормально, – смешливо сморщил нос Гришка Отрепьев, косясь в сторону борт-механика.

– Аффа оказалась королевой племени амазонок и утомительной болтушкой. Красотка нуждалась не в мужике, а в терпеливом слушателе, и через пару часов я запросил свежего воздуха и сигарету. Выбрался в коридор и насладился любовью с элементами демократических

свобод. К полногрудой эмансипе выскочил, уже точно зная время выхода. Девочки появлялись каждые два часа, как по расписанию, и к утру от меня пахло стойлом племенного жеребца. Запах наконец-то добрался до широких ноздрей королевы и заставил на полуслове оборвать легенду о неустрашимой прапрабабушке, которой равных не было в бою. Как оказалось, и королеве равных не было... в любви.

– И ты сдался? – Штолец даже привстал с места.

– Не надейся. Я же тренировался всю ночь.

– Отстоял честь землян и экипажа, – засмеялся Штолец. – Но ответственность за демографию на Вуди-Руди теперь с вас не снять, если вы действовали сознательно.

– Трудно сказать, какое сознание определяло то бытие, – радостно парировал Гришка. – Весенние всплески к осени выглядят иррациональными. Вуди-Руди далеко,... алименты не достанут

– Как благородные герои,... – Штолец погрозил пальцем. – Разобрались с ситуацией, а теперь, давайте к делу. Старт утром, а до него дожить надо. Вокруг корабля тройное кольцо, но и вы не зевайте.

Глава 5 Старт

Полет космического корабля начинается
задолго до команды «старт».

Из воспоминаний старого космонавта

Джентльменская инфантильность менеджмента компании доставила множество дополнительных хлопот. В то время как хозяева конкурентов выкладывались ради достижения победы в гонке, руководствуясь принципами «ничего святого» и «все средства хороши», нас «сдавали с потрохами». Общее недоумение Сашка Буратино уложил в одну фразу:

– Они, будто не хотят победить.

– Мудрое замечание, – сверкнул от штурманского столика насмешливой улыбкой Гришка Отрепьев. – Наблюдательность нашего механика четко обозначила общий знаменатель суетливой возни вокруг старта.

– Оба правы, – насмешливость и мне не чужда. – Вспомните множество соревнований, в которых принял участие наш великий спортсмен топ-менеджер Зверев, и назовите одно, в котором он был призером.

– Не было такого, – Гришка растерянно огляделся, – ему главное участие.

– Именно. Он не знает торжества победителя, восторга обретения. Ему для счастья хватает процесса погони, точнее, около спортивной тусовки, где он и щеголяет туфлями и спортивным шматем эксклюзивного шитья.

– Если мужик начинает думать о своей внешности, – брезгливо сморщился Гришка, подворачивая истрепленный временем рукав комбеза, – о полноценном уме говорить уже не приходится.

– Как и о наступательной brutality, – добавил я, надеясь закончить разговор и отправиться спать.

– В мужиках соревновательность природой заложена, – неожиданно вмешался Сашка. – Как залог развития: кто первый встал, того и тапки. У кого больше оружия, тот и прав.

– Кто сильнее, тому и самка, – съязвил Гришка, но двухметровый силач Сашка не обиделся, а рассмеялся вместе со всеми.

– Есть самки, а есть женщины, – механик взгрустнул лицом. – Наваждения, иной раз, как шипами по душе, и мучения потом вполне реальные. Вспоминаю амазонку с внимательными глазами и жду с ней встречи.

– А не встретишь? – потянулся к Сашке вечно романтически настроенный стажер.

– Может и к лучшему. Неудачи зачастую лучше запоминаются, и потом внукам с теплой улыбкой: «А вот был случай».

– Плохой пример. Пытаюсь представить рыбака, который радуется, что рыба сорвалась, ... – я шутливо погрозил механику пальцем. – Остановку на Вуди-Руди обещаю, и только попробуй повторить «неудачу». Принимается только победа, в любви и в гонке, всегда и везде. Колька, как?

– Командир, – Колька-стажер мгновенно покраснел от возбуждения. – Командир, будь спокоен, зубами буду грызть.

– Что и требовалось доказать. Живому телу нужно движение, а неподвижное, хотя и думающее, ближе к трупу. Вахта по графику, остальным отбой.

Наш дом – корабль, оборудованный всем необходимым. Перед сном загадал мозгу задачку о намеке Штольца. Мой мозг – отличная машина: пока отдыхает тело, анализирует полученную днем информацию и решает поставленные задачи. Засыпая, представил циферблат часов и установил стрелки на время пробуждения. Метод сработал безотказно, и я отправился в душ смывать остатки сна и легкой эйфории от предстоящего старта. Мысленный поиск шпиона в корабле результата не дал, только предположение, что врагом может быть программа в главном компьютере.

В центральном посту мельком оглядел экипаж и прервал доклад второго пилота Кольки на словах «во время моего дежурства...»

– Спасибо, садись, – я неплохой физиономист, и окончание «никаких происшествий не случилось», давно прочитал по лицам.

Ткнул кнопку включения скайпа и увидел на экране Штольца, возмущенно размахивающего очками в левой руке и негодуяще рубящего воздух правой ладонью:

– Поздравляю, Серега, твой маршрут продали: обнаружены следы многократного копирования.

Лицо Штольца выглядит более обычного худым и вытянутым, – провел бессонную ночь, оберегая корабль. Штолец – наш непосредственный куратор, помнить и заботиться о безопасности транспорта и всей экспедиции его прямая обязанность

– Пока корабль в твоей юрисдикции, экипаж может чувствовать себя спокойно, – искренне, без желания польстить, ответил я. – Это не последняя плохая новость?

– Мы отследили многочисленные скрытые перемещения в радиусе девяноста километров вокруг взлетной площадки, – Штолец надел и снова снял очки, похлопал припухшими веками. – Отправили группы перехвата, но стопроцентной безопасности на взлете не гарантирую. Давай, по-договоренности. – Он сжал в кулак перед грудью пальцы левой руки.

Смешно и грустно. По совершенно секретному каналу не можем говорить открытым текстом: добрая половина сотрудников компании, не скрываясь, гордится жалованьем от конкурентов, вторая половина истекает черной завистью и мечтает наладить каналы дополнительного заработка, и только топ-менеджер Зверев, благородный и бескорыстный, лощенный и напыщенный джентльмен выбалтывает наработки и задумки мимоходом, за партией тенниса или бриджа.

– Узнав о коварстве китайских «товалисей», пытался швырнуть перчатку в узкоглазую мордашку братки Лю-сяня, – грустно поведал Штолец. – Желтолицый ходя (друг – кит.), посживая напротив Зверева, руководил погрузкой в наш корабль адской машинки. Там его и повязали.

Для соблюдения видимости честного соревнования требовалось дать кораблям возможность одновременно взлететь. Потом соперники забудут правила и заповеди и не будут щадить в движении к цели ни себя ни конкурентов, но хитроумные китайцы и здесь попытались схитрить, подсунув нам «Троянского коня».

Впрочем, и остальные соперники не лучше. За благостно-постными личинами бургеров с «Бера Бира» и эскайров с «Клондайка», за демагогической болтовней о свободе и демократии, которые они, якобы, разносят по вселенной, скрывают истории и несимпатичные похождения кровавого свойства.

И мы не ангелы. Коммерческие интересы хозяев компании и естественное желание уцелеть диктуют жесткость поведения, но мы никогда не отселяли аборигенов в бескормные, безводные места, обрекая на голодную смерть; не вырезали целые племена, как угольно-черные «Мамба Яны»; не обращали местное население в рабов, – обычная практика наших благочестивых богобоязненных коллег.

– Хотя бы улетали быстрее, а то уже голова вылезает из орбит. Присматривай за племяшом, – Штольц снизошел до шуток и значит, дела вокруг нашего старта совсем не важные. – Колька, слушай дядю Сережу; не пей, не кури, избегай распутных женщин...

– Где я их возьму в космосе? – неприятно удивился стажер.

– На обратном пути воспользуемся приглашением на крестины, – подал голос молчавший до того Отрепьев. – Сразу после посадки на Вуди-Руди начинай избегать.

– Я этого не слышать, – снова сбился на акцент Штольц. – По инструкции никаких посадок не предусмотрено.

– Не парься, друг, все будет хорошо. Время, – я выключил скайп и развернул кресло в рабочее положение.

В восемь ноль-ноль по Гринвичу командиры семи космотранспортов на семи космодромах должны нажать кнопку «старт». К этому времени полностью раскроются створки купола, закрывающего бетонное поле, и корабль на некоторое время, пока не включится активная защита корпуса, окажется совершенно беспомощным перед перехватывающими ракетами.

Взлететь и тут же рухнуть обратно грудой пылающих обломков – худший из вариантов. Третьего дня я подбросил Штольцу идею, которая совсем не порадовала его педантичную, привыкшую строго соблюдать инструкции натуру. Я предложил совершить небольшой фальстарт, нажать кнопку на две секунды раньше и проскочить в космос между только-только разомкнувшимися над площадкой створками.

– Это недостойные обман, – горячился Штольц.

– А сбивать нас над космодромом – благородный поступок? – парировал я, протягивая шефу полетов фляжку с коньяком.

Штольц огляделся и торопливо нарушил инструкцию, отхлебнув пару приличных глотков.

– Тревога не отпускает, – Штольц пригорюнился, – даже во сне, то ловлю врагов, то борюсь с ними.

– Большая удача. Психика работает на результат, подсказывает, – я серьезно и внимательно заглянул в глаза Штольца. – Привыкай по снам позиционировать себя в социуме. Когда во сне всех побеждаешь, ты «на коне», дела идут, жизнь прекрасна и удивительна. Если атакуют, а ты пассивен или трусишь – немедленно аутотренинг, типа «Я самая обаятельная и привлекательная».

– Шутишь? – Штольц отхлебнул еще глоток. – Хороший коньяк, а в твоей шутке большая доля здравый смысл.

Для деловых разговоров нам приходилось искать укромные уголки или даже выходить за периметр космопорта от непредсказуемой направленности вороватых взглядов и чутких ушей.

– Чорт с тобой, – акцент в очередной раз показал, как трудно Штольцу переступать границы предписаний. – Но это крайний случай, если я не могу обеспечить безопасность, делаю рукой так. – Он сжал пальцы левой руки перед грудью в кулак. – Мне нужен победа, а победителей не судят.

Я огляделся. Центральный пост корабля – уютная комнатка-каютка, четыре на четыре метра, высота три. Стены-переборки завешены множеством экранов и в метре от пола голографические клавиатуры дублирующих главную панель систем. Хотя мы и называемся грузовозами, но космос так насыщен, напичкан опасностями: астероидами, метеоритами, непредсказуемой и невообразимой космической живностью и нечистью да еще и кораблями конкурирующих фирм, что всякий полет превращается в боевую операцию, а центральный пост в жерло вулкана, в котором горит и плавится среди молний коротких замыканий, кажется, сам воздух. Тогда-то и приходится конструировать рабочее место пилота из уцелевших блоков на непростреливаемых «пяточках».

– Ключ на старт. Десятисекундный отсчет.

– Есть десятисекундный отсчет, – взволнованным эхом отозвался Колька-стажер.

– И два, и три... – как музыкальные такты, отсчитываю секунды, наблюдая на экране обзора передней полусферы дрогнувшие и начавшиеся расходиться створки купола над космодромом. – ...И восемь. – Указательный палец утопил в панели стартовую кнопку, а экраны застелили бешено завывающиеся в смерчи клубы черно-красного пламени. – Поехали.

– Рано, – выдохнул Гришка Отрепьев и втянул голову в плечи, ожидая удара. – Если заденем створки, – трендец.

– Сейчас узнаем, – подтверждая мою правоту, экран показал голубое, но быстро темнеющее небо. – Проскочили.

– Командир, два взрыва в реактивной струе, – доложил из машинного Сашка Буратино.

– Всех, с очередным рождением, – радостный кураж от удачного старта искал выхода. – Гришка, следи за братьями-соперниками и немедленно, нет, – мгновенно, докладывай о враждебных поползновениях.

Перехватывающие ракеты опоздали, но повернули и пошли за транспортом, ориентируясь на инфракрасное излучение, только, где им тягаться с выхлопом межгалактического транспорта.

Не задерживаясь на околоземной орбите, я повернул корабль на разгонный участок к Луне и включил автопилот.

Глава 6 Первый экзамен

Мечты и реальность не всегда совпадают,
и тогда конфликт неизбежен.

Жизненное наблюдение

Гонка началась, и семь межгалактических транспортов, сорвавшись с Земли, устремились за редким минералом фелксином к планете Меларус, как лыжники с горы, по одной трассе, по одной лыжне. Выбор дорог в космосе не так разнообразен, как хотелось бы.

Все корабли разгоняются-движутся, используя попутные гравитационные потоки, поочередно притягиваясь к отдельным планетам и галактикам по сложной запутанной траектории. Выиграет умеющий быстрее перестраиваться из потока в поток, «срезать» углы и петли маршрута.

У нас преимущество в две или чуть более секунд, но у «Клондайка» и «Бера Бира» базы на Луне, уже расчехлившие пусковые установки для стрельбы по лидеру.

– Гриша, проясни обстановку на маршруте.

– Мы первые, – Отрепьев отозвался мгновенно, молодец, чувствует напряжение гонки. – Латиносы вторые, дальше – «Клондайк», «Бера Бир», «Панда», «Попрыгун», «Мамба Яна».

– Николай, – стажер вздрогнул и с недоумением повернулся ко мне. – По команде отключишь автопилот, а дальше, делай, как я.

Порядок прохождения по трассе лунные базы уже отследили, и будут расстреливать нас и Южно-Американцев. В гонке для запаса прочности лучше мчаться впереди, но, когда замаячила перед глазами смертельная перспектива, я решил на время уступить первую позицию в гонке.

Просто затормозить, используя реверсивные двигатели, нельзя: корабль останется на трассе, и догоняющие соперники не упустят возможности разрядить свои ракетные шахты по «легкой добыче», а вот сделать «петлю» и пристроиться в конец «каравана» реально, хотя и потеряем в скорости.

Улыбнулся Кольке, кивнул поощрительно, но руки парня, хватко сжимающие штурвал, так и не расслабились. Ничего, привыкнет со временем. Коротко рассказал о намерениях эки-

пажу и затылком почувствовал холодок отчуждения, повеявший со стороны то ли «реальных пацанов», то ли «благородных девиц». Пришлось объясняться.

– Расстояние от Земли до Луны около четырехсот тысяч километров.

– Триста восемьдесят четыре тысячи четыреста шестьдесят семь, – уточнил Колька-стажер.

– Дядя Штольц порадуетя точности твоих познаний, – обернулся к ожидающим взглядам механика и штурмана, – но я лишь обратил внимание, что у нас есть время расставить точки над «и». Короче, я подставляю под удар Южно-американскую «Ламу», а вы, кем готовы пожертвовать?

– Америкосов, без проблем, сколько нас гнобили мимоходом и, как в порядке вещей, – загорячился Сашка, – и этих...

– «Бера-Биров», тишком-ползком свинюшек нам подкладывают, – подсказал Гришка Отрепьев. – Китаез на «Панде», чтоб под ногами не путались.

– Уже легче, – теперь я мог позволить себе откровенную буффонаду. – Против «подставы» как боевого приема вы не возражаете, но готовы применить его избирательно, к кораблям, уже продемонстрировавшим свои недружественные намерения?

– У «Ламы» к нам претензий не было, – упрямо повторил Сашка.

– Не братья, но и не враги, как бы, – неуверенно поддержал Отрепьев.

– Друзей в гонке нет, и лимит времени на дискуссию подходит к концу. Делаем так, – всмотрелся в простодушные Сашкины глаза, перевел взгляд на Гришку. – С курса не сворачиваем, идем под ракеты лунных баз, пока не получим доказательства агрессивности «не врагов» с Южно-Американского континента.

– Согласен, – облегченно выдохнул Сашка, очевидно, мысленно вернув меня в племя «реальных пацанов», и Гришка Отрепьев одобрительно кивнул и оставил своего командира в списке «благородных героев».

Убедить критическое мышление опытного экипажа – проблема из проблем, особенно, когда критическое превалирует над опытным. Спасибо, перволеток Колька-стажер по недостатку боевого опыта априори на моей стороне.

– Приготовь, Гриша, карту потенциальных целей и будь готов к появлению новых.

– К нам идет управляемая торпеда с «Ламы», – Гришка прикинул глазами к монитору, его правая рука потянулась к боевому джойстику.

– Сам справишься?

– Без проблем.

Горячие «латиносы», возбужденные удачно начавшейся гонкой, – едва стартовали и уже вторые, – не справились с азартом, решительно взялись за устранение конкурентов, и, сами того не ведая, очистили мою совесть от «угрызений».

На экране обзора задней полусферы грозная двухтонная красавица-торпеда изящно увернулась от перехватывающей ракеты и тут же попала под удары двух контрольных. Экран на секунду осветился яркой вспышкой, но быстро перестроился и снова показал отчетливую картину затемненного пространства.

– Мастер. Отличная работа, Гриша, начинай отсчет, – взрыв нам очень кстати: ослепленным вспышкой стрелкам на Луне теперь гораздо трудней заметить смену лидера.

– Десять секунд, девять, восемь, ... – начал отсчет Отрепьев, – пять...

– Отключить автопилот. Приготовиться к перегрузке.

– Два, один.

– Циркуляция вправо. Начали.

Луна и звездный рисунок на экране обзора передней полусферы плавно поехали влево, а силикон в кресле начал обретать жесткость гранитных лавок в банях древнегреческих гимнасий. Усмехнулся неуместности сравнения и, преодолевая перегрузку, оглянулся на ста-

жера: Колька надежно держал штурвал и вглядывался в проплывающие звезды слезящимися от напряжения глазами, – наш человек.

– Гриша, как циркуляция?

– Можно круче на одну палку.

– Делаем, – «палка» – штурманский жаргон. Отрепьев отслеживает дугу, стараясь при наименьшем радиусе петли сохранить максимальную скорость. Я повернул штурвал на одно деление. – Латиносы будто запрограммировали себя на самоубийство и только искали повод.

– Ты знал, что они подставятся? – Сашка смотрел на меня, как на предателя.

– Ни секунды не сомневался, – твердо глянул на механика, и Сашка Буратино послушно опустил в кресло. – С помощью или без нее, ребята подспудно, неосознанно шли в направлении суицида.

– — «Лама» и «Клондайк» уже в зоне поражения, – доложил Гришка.

– Включай эхолот.

Обычные электромагнитные волны не догоняли корабли, летящие со сверхсветовой скоростью, и на транспорте использовали приборы, основанные на принципах экстрасенсорики—телепатии. Мысль, окрашенная чувством, мгновенно пронзала пространства и миры и находила адресата даже на другом конце вселенной. Но и мысли перехватывали, и в бою сенсозвязью пользовались с большой осторожностью, например, когда противники заняты в драке друг с другом.

Экран локатора послушно выложил несильно растянувшуюся цепочку из шести транспортов, продвигающихся к естественному спутнику Земли и светящиеся пунктирные трассы, протянувшиеся от Луны к первым двум кораблям.

– Не по-пацански, – тряхнул среди тишины рыжей шевелюрой упрямый борт-механик. – Мы там должны быть.

– Отвязался бы душой по нескольким целям одновременно, – мечтательно поддержал Отрепьев, заворочено наблюдая картину разворачивающейся схватки.

– Молодой, выскажись о наболевшем, – я шутливо подтолкнул Кольку-стажера кулаком в плечо. – Команда уже отметила твоё стремление никакой вопрос не считать незначительным и к любому подходить с академической скрупулезностью. Хотелось бы здравого мнения, без эмоций и необоснованных наездов.

– Мне кажется, что победит в гонке один, – Колька обвел нас округлившимися от неожиданного открытия глазами. – Тот, кто сможет вернуться.

– Есть желающие поспорить с истиной, пролившейся из уст младенца? – я в упор посмотрел на Гришку. – Мы сможем победить шесть кораблей?

– Пять! – выдохнул Сашка Буратино.

По экрану локатора разливалось облако мощного взрыва. Горячие южно-американские парни и транспорт «Лама» бесследно растворились во взрывах не истраченных атомных зарядов и огне не израсходованного топлива.

– Дилетанты переоценили свои силы, – Гришка вздохнув, машинально потянул руку к голове и сразу отдернул, вспомнив об отсутствии головного убора.

Лунные стрелки сосредоточили огонь на американце. Клондайк отвечал «братьям по оружию» мощью всего арсенала; успел сделать пару залпов подоспевший «Бера Бир». После чего стрельба прекратилась, как по мановению, видимо, разобрались, что стреляют по своим.

– Гриша, вопрос не снят.

– У нас тупо не хватит снарядов, – кисло сморщился штурман-стрелок, но, глянув на экран локатора, повеселел. – Шансы растут, командир, «Клондайк» тормозит и уже пошел по лунной орбите, будет ремонтироваться.

– Подлатают дыры и догонят, – с надеждой выговорил борт-механик, – а там и пободаемся.

– Ничего у бедолаги не получится, – авторитетно возразил штурман-стрелок. – Караван ушел, запал иссяк, и для нового старта просто не хватит горючего. Спокойно дотопает до базы, где и будет дожидаться эвакуации на Землю.

– Гриша, не обижайся, – я как мог смягчил интонацию, – но из настольных игр я бы порекомендовал тебе и Сашке шахматы, чтобы привыкнуть думать на несколько ходов вперед, неторопливо в душевных устремлениях разбираться.

– Поиски нового в себе мне не очень нравятся, – сострил Гришка, – есть паталогоанатомы.

– А я в шашки, – простодушно поддержал механик, – в Чапая.

– И вскоре слетишь с доски. Мышление в бою должно быть прогрессивным и конструктивным, а эмоциональное восприятие – это не то и не другое. Жду роя мыслей и свежих мнений. Кто выиграет гонку?

– Кто сможет вернуться, – повторил свою первую версию Колька-стажер.

– Я понял, командир, – Отрепьев даже покраснел от смущения. – Нужно не только вернуться, но и привезти фелексин.

– А лететь за ним необязательно, – подхватил Сашка.

– Достаточно отнять добычу у последнего уцелевшего, – замкнул логическую цепочку Гришка.

– Всем пятерки за умение работать в команде. Роение мысли, как правило, результативно, если, конечно, рой не скроется в неизвестном направлении. Один достойный противник на обратном пути у тебя, Саша, уже зарезервирован. Навоюешься.

Уже без азарта наблюдали на локаторе проход мимо Луны «Панды» и «Попрыгуна». Транспорт, входя в зону поражения, немедленно начинали стрелять, Луна отвечала все реже и слабее, последней перед нами «Мамбе Яне» досталась только одна ракета.

Мы без выстрела прошли мимо естественного спутника Земли.

– Здравый смысл можно некоторое время игнорировать, но подчиниться ему придется, – подвел я итог боя. – Чья очередь варить кофе?

– Уже, – проворчал Сашка и недовольно ткнул кнопку кофеварки. – Все равно не правильно. Без боя победы не бывает.

Глава 7 Санитары космоса

В космосе случалось встречать и див дивных и чуд чудных. Иногда было смешно,

порой тепло и грустно, но чаще – страшно

Стыдливо о личном

Почему удава не любят? Он ведь
не сразу глотает. У него долгий,
томительно-сладкий процесс заглатывания.

Из воспоминаний старого космонавта

«Доска объявлений» бодро пропела: «Антошка, Антошка, готовь к обеду ложку», и синяя на белом полоска с мелодичным звонком высветила надпись «Перекус».

Шутливая придумка Гришки Отрепьева, собравшего на один экран распорядок дня экипажа: дежурства, занятия на тренажерах, изучение матчасти, сон, – для команды в целом и отдельно для каждого, поначалу смешила, но вскоре стала необходимой и привычной, избавляющей от лишних напоминаний и распоряжений, – ненавязчиво вернула Сашку Буратино от боевого задора к бытовым проблемам.

– Беф-строганов, картошка-фри, зеленый лучок, три соуса на выбор, – торопливо перечислял механик, нажимая кнопки на панелях микроволновок, холодильников, откидных стульчиков и столиков.

– Запеченной уточки в золотистой корочке нет? – хотел «приколоться», но едва не подавился слюной Отрепьев.

– Для шибко привередливых, – Сашка даже перестал накрывать стол, собравшись озвучить остроумный ответ. – Ужин космонавта в тубах, просрочен на пару лет, но зато в неограниченном количестве.

– Не очень и напугал, – легко парировал Гришка. – Заботливая Родина выковала привычку оценивать пищу только по двум параметрам: съедобно-несъедобно. Тубы не выбрасывай, когда наступит «черный день», съедим.

Сашка смутился и промолчал. Родители Гришки Отрепьева попали под глобальный общеземной закон «О гуманной справедливости», по которому все население разделялось на «Золотой миллиард», «Рабочих лошадок» или «Быдл» и «Балласт», подлежащий немедленному отселению на дальние планеты, «с глаз долой из сердца вон».

Малолеток из «балластных» семей брало под «опеку» государство. Отправляло в лагерь «труда и отдыха» на подножный корм и тяжкий труд, «выковывая» путем естественного отбора головорезов для космического десанта и проституток для публичных домов и стрип-клубов. «Конечно, не так, как мечталось, – рассказывал Гришка, – но выжить можно, ежели без особых претензий». Тяжелая тема.

– Говорят, детство несчастливым не бывает, – заметил Сашка Буратино.

– Оно и было вполне приличным, – усмехнулся Отрепьев, – но вскоре судьбами детства озаботилось правительство....

– А как ты выбрался? – нарушил тягостную паузу Колька-стажер.

– Сильное желание выжить и подаренная природой изворотливость ума, – небрежно ответил Гришка и, между глотками сока, обронил, явно обращаясь ко мне. – Есть шанс снова возглавить гонку, срезав путь проходными дворами.

– Хе-хех, – то ли икнул, то ли засмеялся Сашка и с преувеличенным вниманием начал копаться вилкой в своей тарелке.

– Интересное? – насторожился стажер.

– Не дай бог, – пробубнил Сашка.

Космос порой напоминает старый город, с проспектами, улицами, переулками, запутанными проездами и скрытыми проходами, однажды попав в которые, пройдя непредсказуемым маршрутом, попадаешь будто в другую реальность, с чужой жизнью, иными отношениями.

Сашкино «хе-хех» и отразило воспоминание о давнем блуждании по затененным, с отвязными хулиганами в подворотнях, улочкам, куда ненароком завел нас, весело отметивших удачный рейс, «изворотливый ум» Гришки Отрепьева.

Отрепьев, пьяно жестикулируя, горячо и убедительно, с множеством цитат и ссылок на классиков социологии, доказывал невозможность равенства в обществе, поскольку люди не могли произойти от обезьяны одновременно все и везде.

Сашка пытался спеть о тяжелой пацанской доле: «Мы свою молодость профукали, профукали, теперь она у нас как будто не была»*.

Я равнодушно пялился на обшарпанные, годами небеленые, некрашенные стены, и думал о последовательной деградации человечества от красивых домов к трущобам и далее, к пещерному существованию.

Вскоре теплой компанией заинтересовалась местная общественность, в лице извивающегося во всех плоскостях неопределенного возраста небритого типа, нагло потребовавшего у Сашки прикурить.

– Пожалуйста, брат, – размякший и добрый от душевного пения Сашка чиркнул зажигалкой, благожелательно наклонился к аборигену и удивился блеску стального лезвия в грязных, нервно дергающихся руках.

Рефлекс тренированного бойца сработал быстрее подвыпившего сознания, которое «прониклось, расположилось» и старалось спасти нахала от инвалидности. Сашка двумя руками выбил нож, обратным движением правого кулака нокаутировал противника, но попытался задержать падение тела и предотвратить повреждение головы типа о камни.

Удар бейсбольной битой по спине выколол доброту и милосердие из Сашки Буратино, как пыль из ковра, и не оставил набежавшим подельникам налетчика право называться здоровыми людьми.

– Покурим? – Гришка Отрепьев протянул сигарету и щелкнул зажигалкой. – Нельзя сказать, что у ребят нет культуры питания. Культура такова, чтоб пить до мордобоя. Даю минуту.

– Опоздал давать, – мельком глянув на разбросанные тела, я затаился. – Уходим, пока весь околоток не сбежался. Действуя такими темпами, Сашок может ненароком оставить город без бандитов.

– Кстати, интересно поставлен вопрос, – торопливо дофилофствовал Гришка. – Бандиты – часть социума, своего рода, санитары мегаполиса, как волки – санитары леса, и Сашка, безоглядно размахивая кулаками, едва не нарушил экологическое равновесие общества.

– Заткнись, будь другом, – Сашка болезненно повел плечами. – Как-то мне сейчас не до общества... не всегда хочется быть его частью.

Экран обзора передней полусферы посветлел и зарозовел верхом, сигнализируя о приближении края галактики.

– Время принятия решения, – активируя мыслительный процесс команды, я добавил в голос подначки. – Униженно плетемся или по мужски рискуем?

– Соглашайся на поворот, командир, – нетерпеливо ерзал на откидном стульчике Гришка. – Вынырнем из ниоткуда перед самым Меларусом, и пусть утираются неудачники.

– Прикинь, боши с китаезами еще на подходе, – «загорелся» идеей Сашка, – а мы уже...

– Мишень, – неожиданно перебил Колька-стажер.

– А нужно ли садится первыми? – я обвел взглядом команду. – Молодой, но мудрый, как его дядя, второй пилот, кажется, нашел ответ на этот вопрос. Растолкуй.

– В космосе корабль – оружие, после посадки – цель, – смущаясь вниманием, но твердо ответил стажер. – По нам будут стрелять из космоса, а мы не сможем ответить.

– Разумно, – с удовольствием наблюдая замешательство на лицах механика и штурмана, «подтолкнул» дискуссию. – Гриша, пауза неприлично затянулась.

– Выжидать – это не наш метод, – торопливо «рубанул» Сашка.

– Могу вывести в середину каравана и даже на параллельный маршрут, – нашел решение Отрепьев.

– Что и требовалось доказать. Заодно обойдем возможные засады. Работаем.

В космических «закоулках» требуется внимание и напряжение всех сил. Встречаются непредсказуемые магнитные потоки, выносящие на трассу громадные валуны астероидов и сопровождающую их космическую живность: рыб и отшельников. Нередки «черные дыры», упав в которые можно оказаться за миллионы световых лет от места назначения, и судьбу пропавшего, в лучшем случае, смогут отследить только прапраправнуки, если повезет.

Гришка, пощелкивая по голограмме «клавы», перебрал на мониторы пилотов новый маршрут, – извилистый гравитационный поток, «летающий» с двухсветовой скоростью.

– Вливаемся. Приготовиться к переходу светового барьера.

В попутный поток нужно «влиться» аккуратно, избегая столкновений с обломками планет, комет, и прочим космическим мусором. Когда скорости выровняются, соседство с многотонными глыбами будет не столь опасно. Совместный полет по параллельным маршрутам.

Другая беда: в богатой космической «реке», жируют множество монстро подобных рыб и еще более страшных тварей, которым гигантская рыба – кормовая база. Прожорливые монстры – «санитары космоса» – не знают естественной смерти. Фраза классика: «Все рожденное достойно гибели», – здесь «отдыхает». Однажды начав жить и расти в бескрайнем, беспредельном космосе, тварь заглатывает и перерабатывает все более крупную добычу, пока сама не попадает на обед к монстру, начавшему жить и расти чуть раньше.

– Командир, – Колька-стажер ткнул пальцем в темный завиток на экране.

– Общий вопрос, чем отличается тритон от питона?

– Один черт, – сварливо ответил механик, увлеченно раскручивая отверткой неисправный блок.

– Тритон в три раза больше питона, но в космосе оба на вершине пищевой цепочки, – хищники, – примитивно сострил Отрепьев. – А почему спросил? – Перевел взгляд на экран и вздрогнул. – Торпедой?

– И побыстрей.

Змей плывет в общем потоке и ему не требуется сверхусилий на сближение и бросок. Живые организмы – самые непредсказуемые участники бесконечного космического движения. От них всего можно ожидать, и лучше обходить дальней стороной. Размеры жертвы не имеют значения: пасть чудовища легко пропускает внутрь добычу трехсот метровой длины.

Нам случалось видеть гада, схватившего в смертельные объятия транспорт, подобный нашей «Надежде». Автоматическая защита корабля устроила огненную, белого магниевого пламени стену между корпусом и сжимающимися кольцами черного тулова, но, меньше чем через минуту, животина начала заглатывать искореженный, измятый остов корабля.

– Взорви торпеду в пасти, и сразу дубль. Приготовиться к циркуляции.

– Есть! – Колька отключил автопилот и замер, напряженно вглядываясь в экран.

Мало, отстрелить твари голову. Длинное тело уже получило от примитивного мозга сигнал и настроилось на бросок и захват. Пока агония в теле чудовища будет бороться с ранее полученным заказом на убийство, обезглавленная тушка будет нападать и давить.

– Право три. Пошел, – одновременно с моей командой атомное пламя осветило половину космоса, разом укоротив монстра на сотню метров. – Лево два. Гриша, не спи.

Корабль вычертил дугу, в радиус которой и уместился километровый остаток промахнувшегося, но продолжавшего свиваться в бесполезный клубок тела.

– Гриша, не спи.

– Уже почти.

Страшный удар потряс транспорт от дюз до рубки, и тотчас на экране обзора задней полусферы вспыхнул цветок второго взрыва.

– Осмотреться. Проверить оборудование.

– Разгерметизации нет, – выдохнул Сашка. – Машинный в порядке.

– Все работает штатно, – с легким развальцем добавил Отрепьев.

– Включаю автопилот, – внес лепту Колька-стажер и пошутил. – Собираете нечисть жуткую. Сердце остановилось и не двинулось с места, пока опасность не миновала.

– Всем спасибо. Всем кофе. Гриша, что ты плел о полезности санитаров в экологических системах?

– Мы – приманка для судьбы, – Отрепьев хитро огляделся, готовясь отпустить очередную псевдо философскую шуточку. – На одних находятся кобры и гадюки, нами заинтересовался непомерной длины питон, и это еще повезло, – Гришка вновь «включил паузу». – Порой мужиков связывают по рукам и ногам белые мыши – вааще трендец.

– Да, белые мыши, те еще санитары, – смущенно поддержал Сашка и поежился. – Большеглазая на Вуди-Руди была очень убедительна... и поэтесса до нее, – не такая уж и тощая.

– А я бы поговорил с поэтессой, – вдруг признался Колька-стажер. – Наверняка, у нее свой богатый внутренний мир из стихов и классической музыки.

– Необъятное пространство рождает мысли о вечном, – съерничал Гришка, указывая на обзорный экран. – Не забывай, Коля, наказ дяди Штольца, избегать распутных женщин.

– Поэтессы не обязательно, «распутные», но всегда опасные. Иногда, чисто для темы разговора, просишь стишок прочесть, а начинается неостановимый стихопад. Самые вампиристые из энергетических вампиров, по стишку, по строфочке; глядишь, уже весь сборник перешептали. Слушаешь и думаешь: «И чего я дурак такой вежливый: не вешаюсь в присутствии паета, чтобы ему стало хотя бы стыдно», – подытожил я разговор о «белых мышах». – Свободы и разнообразия хочет душа, но, если с утра до вечера Моцарт и рифмованные строки, то самая пора вспомнить о «дежурной веревке».

*Группа «Лесоповал»

Глава 8 Битва с зулусами

Не всегда получается разобраться сразу,
ты поймел или тебя использовали.
Мы живем в большой стае,
топя или вытаскивая друг друга.

Мимоходом

Поединок с монстром, занявший все внимание экипажа, «выбил» из информационного поля. Незнание в бою равносильно смерти, и я недрогнувшей рукой пригласил эйфорию победителей.

– Григорий сканируем пространство на предмет недружественных поползновений. Александр, перезарядка торпедных аппаратов, проверка защиты. Николай, – управление. Мне – связь с Землей.

Ответственный парень Штольц высветился на мониторе сенсосвязи мгновенно:

– Америка на потерю корабля отреагировала обиженной рожей, – Штольц своим сухим вытянутым лицом попытался изобразить «обиженную рожу америкосов», получилось не очень. – По кратчайшему маршруту запустили второй транспорт, и наш топ-менеджер не усмотрел в этом нарушений правил гонки, остальные утерлись молча.

– Догонят?

– Уже завтра, – Штольц сдвинул очки на кончик носа, готовясь сообщить нечто важное. — «Мамба Яна» вышла из каравана и пропала с экранов радаров, а тебе привет от пушистого ежика. – Штольц подмигнул и хитро улыбнулся.

– Спасибо, брат. Ответный привет и конец связи.

Наглость америкосов не знает границ. В любом правительстве всегда присутствует определенный процент, так называемых «ястребов», склонных любую проблему решать с позиции силы (своей силы), – люди «с каменным лицом». У америкосов они традиционно в большинстве. Всегда играют по своим правилам, и никто не смеет возразить, но... как говорить в их же фильме: «Я подумаю об этом завтра»*, а сегодня и сейчас ищем негров.

Мысленно пролистал инфу о «Мамбе Яне» – «Рыжем бивне». Грузовик российской постройки, куплен три года назад зулусским царьком Джумбой не для работы, а, «чисто, попон-

товаться» перед царьками соседних племен. Из «казаться» и «быть» негры всегда выбирают «казаться», и не жалеют денег на предметы престижного обихода: бусы, зеркала, автоматы Калашникова, космические корабли и ядерные боеголовки. «Пускание пыли в глаза» не проходит по мере взросления, а принимает хроническую форму и, худо-бедно, скрашивает убогую жизнь. Тем не менее, «Мамба Яна» вооружен не луком и стрелами и реально опасен. Зулусы известны своей воинственностью и задиристостью, любимая тактика в бою – нападение из засады.

– Гриша, кого трудно искать в темной комнате?

– Чернокожих братьев, – Отрепьев потянулся и зевнул. – На сканерах чисто, может быть, и нет черной кошки на нашем участке?

– Если не видишь противника, не значит, что его нет, – неожиданно высказался Колька-стажер.

– Золотые слова. Сам придумал? – Отрепьев поднял вверх большой палец. – Командир, мы догоняем группу астероидов, и спектрометр показывает присутствие металла.

– Который смотрит блестящим от предвкушения взглядом карих глаз из-под черных нависающих бровей зулуса. Жду предложений.

– Выпустить пару торпед наудачу, – Сашка Буратино рубанул рукой воздух. – Если пришвартовались к астероиду, защита отключена. Есть шанс пробить.

– Кавалерийская атака с шашками наголо, – Отрепьев сделал паузу, ожидая взрыва смеха, и недовольно поморщился, когда его не последовало. – Подсунем обманку-замануху.

– Космокапсулу вперед пустить, – радостно подхватил Колька-стажер.

– Начинив отражающими параметрами космотранспорта. Есть программка на подобный случай, – Гришка мельком обернулся ко мне и, уловив одобрительный кивок, завозился с клавиатурой.

Корабли транспортного типа оборудованы двумя космокапсулами-шлюпками – миниатюрными четырехместными ракетами. Мы решили одну под видом транспорта «Надежда» отдать на растерзание оружейных залпов Южно-африканских аборигенов, а на второй причалить к «Мамбе Яне» и попытаться проникнуть внутрь корабля. Своеобразный абордаж.

Сашка торопливо облачался в скафандр, Колька умоляюще ловил мой взгляд, ожидая разрешения.

– У меня спецподготовка на отлично...

– В следующий раз, – я шуткой попытался смягчить отказ, – всех китаез с черными поясами отдам тебе, обещаю.

Захлопнули входной люк и прошли, отпуская за собой страховочные тросы-фалы к космошлюпкам. Из командной рубки нам виден темный, но, благодаря приборам наблюдения, прозрачный космос. Стоя на корпусе корабля, даже через приборы ночного видения различаем только неотчетливые контуры предметов в обволакивающей черноте. Смена освещения или точки наблюдения порой разительно меняет картину.

Щелкнул замок, запирающий фонарь кабины, и сразу приветливо осветилась панель управления, уютно загудел регенератор воздуха.

– А пушистый ежик – это кто? – неожиданно спросил Сашка между щелчками запускающихся систем.

– Наш космодромный, – почти не соврал я, – около проходной по траве частенько бегает.

– Видел, и даже в руках держал, – Сашка усмехнулся по-доброму, – колючий зараза, а почему привет только тебе?

– Саша, когда мне было двадцать лет, я знал ответы на все вопросы, а сейчас – увы! Вопросов много и ни одного ответа. Видимо, голова стала хуже работать.

– Или ежик обитает на пяток этажей выше, – съехидничал механик.

– Не опускайся до сплетен, – я мельком глянул на таймер. – Вторгаться в чужое интимное пространство – грех. Говорят, самураи, задев неосторожным словом карму господина, делали себе хакакири.

– Все так серьезно? – Сашка смущенно засопел и резюмировал доверительно. – Не один я страдаю.

Коротко полыхнуло на правом борту и вперед умчалась капсула-обманка; отсчитав три секунды, снялись с борта и пошли следом. Транспорт «Надежда», отключивший радиолокацию и сенсосвязь, исчез с радаров, растворился, как призрак, в космической черноте.

– Они точно там? – нетерпеливо подпрыгнул в кресле Сашка Буратино и тотчас повторил с другой интонацией. – Они точно там. Нарываются на наше русское «разъетить».

Один из астероидов, корявый каменный обломок, размером с гигантский айсберг, осветился ярким пламенем и в сторону капсулы-обманки устремился целый рой торпед, ракет и реактивных снарядов. Черные «братья», они же «Рыжие бивни», они же зулусы, похоже, решили не оставлять «Надежде» шансов на сопротивление. Вслед снарядам по-собачьи взлаивала пушчонка прижавшегося к скале транспорта.

Ориентируясь по вспышкам, я «притер» капсулу поближе к центральному посту. Наше вооружение: бластеры, гранаты, пистолеты и компактные лазерные резаки для вскрытия бронированной обшивки. Способ многократно отработан. Провели по корпусу половинки дуги и, когда круг замкнулся, посторонились, пропуская вытолкнутый внутренним давлением кусок обшивки.

Швырнули внутрь гранаты и после взрывов нырнули следом. В трех креслах, вольготно раскинув ноги, сидели три высушенные вакуумом мумии, четвертая, очевидно, первый пилот, сидела, закинув ноги на приборную панель, – субординация по-африкански. Ребята оказались легкомысленными бруталами: не озаботились перед боем облачиться в скафандры и поплатились.

– Сашок, проверь машинное и заглуши реактор.

Я еще не успел договорить, как за Сашкиной спиной появилась громадная фигура в скафандре. Драться в невесомости тяжеловато, и я, торопливо дернув Сашку на себя и вниз, полетел вперед и врезался шлемом в плечо противника. Мельком отметил растерянный взгляд за стеклом гермошлема, схватил и вывернул назад руку с бластером. Три лазерных заряда прошли пол, и на приборной панели загорелась красным английская надпись «покинуть корабль – три минуты». Что-то перемкнулось, и включилась система самоликвидации корабля.

Упираясь ногами в пол, я вытолкнул здоровяка в открытый космос, следом направил Сашку и выбрался сам. Негр пытался упираться, но Сашка ногой в башмаке с магнитной подошвой дал парню крепкого пинка, и африканский хлопец, прихрамывая и придерживая рукой ягодицу, торопливо разместился в капсуле.

– Поехали.

Едва приподнявшись над кораблем, включил форсаж и торопливо заложил крутой вираж, торопясь скрыться от взрыва за ближайшим астероидом. Полыхнули светом и мгновенно затемнились стекла-хамелеоны фонаря кабины.

– Сейчас тряхнет, – буркнул Сашка и защелкнул замок привязного ремня на пленном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.